

Владимир БОНДАРЕНКО

г. Москва

Горжусь тем, что я северянин

Беседует **Вениамин Слепков**

В феврале 2016 года 70-летие отмечает известный российский литературный критик, публицист, писатель Владимир Бондаренко.

Владимир Григорьевич родился в Петрозаводске, окончил Государственную лесотехническую академию в Ленинграде, затем – Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Работал заведующим литературным отделом в Малом театре, во МХАТе им. М. Горького у режиссёра Татьяны Дорониной.

С 1990 года он стал заместителем главного редактора газеты «День», с ноября 1993 года – заместителем главного редактора еженедельной газеты «Завтра». С мая 1997 года – редактор приложения к газете «Завтра» – «День литературы».

Член Союза писателей России с 1991 года. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил немало книг, в том числе биографии М.Ю. Лермонтова и И.А. Бродского в серии «ЖЗЛ».

Первые публикации Владимира Бондаренко состоялись в журнале «Север». И по сей день он остается постоянным автором журнала.

Редакция журнала «Север» поздравляет Владимира Григорьевича с юбилеем и публикует беседу с ним о проблемах современной российской литературы и о его творчестве.

– Владимир Григорьевич, ваши статьи и книги о литературе выходят начиная с шестидесятых годов, и немногие критики и публицисты могут сказать, что наблюдают за развитием литературы на протяжении более полувека. В последнее время приходится слышать такое мнение читателей, что современная российская литература уступает прежней советской – по качеству текстов, по масштабу поднимаемых проблем. Согласны ли вы с таким мнением, и если да, то почему, на ваш взгляд, это происходит?

– Дорогой Вениамин, я согласен, нынешняя российская литература во многом уступает прежней советской. Прежде всего потому, что она как бы сама себя лишила идеологии, величия замысла, как говаривал Иосиф Бродский. Впрочем, вся наша страна уже много лет лишена по новой Конституции идеологии, лишена национальной идеи в любом ее воплощении. Можно быть блестящим стилистом, сочинять замысловатые сюжеты, но если в книге нет никакой идеи (любой – белой, красной, голубой, советской, антисоветской, имперской, этнической), никакой мысли, о политике, о любви, о своем народе, то книга становится ни о чем, она превращается в лучшем случае в читиво, в случае с беллетристикой, или в скучнейшее занудство, в случае с филологической прозой. Возьмите всех русских титанов XX ве-

ка, от Михаила Шолохова до Александра Солженицына, от Юрия Кузнецова до Иосифа Бродского, от Есенина до Маяковского, от Андрея Платонова до Михаила Булгакова. Даже в самом мелком сюжете у них было заложено величие замысла. Как писал Владимир Маяковский: «В поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела, близкой мне, красный цвет моих республик тоже должен пламенеть». Нет ни масштабности темы, ни масштабности замысла.

Увы, к тому же и в самом обществе сейчас отсутствует масштабность, всех увлекла потребительская идея бытового благополучия, тут не до чтения. Чтобы всколыхнуть наше общество, нужны новые сильнейшие импульсы. Впрочем, сегодня появилась группа молодых сильных писателей, таких как Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Михаил Елизаров, которые и по качеству своих текстов, и по напору острейших социальных тем не уступают мастерам советской литературы.

Большая беда еще и в том, что сейчас литература потеряла свою главенствующую роль в жизни общества. К сожалению, Россия перестала быть литературоцентричной страной. Появись сегодня «Война и мир» или «Евгений Онегин», могли бы и не заметить.

Думаю, в период перестройки власти осознанно вывели литературу на обочину, они боялись влияния и русской, и советской литературы на общество. Им нужна была литература как развлечение, как хобби, некая забава. «К штыку приравнять перо» – это не для них. Для того чтобы вернуть литературу на пьедестал, нужна мудрая государственная воля.

– Не секрет, что на содержание советской литературы во многом влияло государство. Конечно, с одной стороны, устранение государства от влияния на литературу можно только приветствовать, тем самым обеспечивается свобода автора писать так, как ему диктует сердце. С другой стороны, мы наблюдаем, как часто «варятся в собственном соку» многие талантливые региональные, да и не только, авторы, чьи имена не входят в обоймы раскрученных. Наверное, можно обозначить и еще ряд проблем, вызванных устранением государства от серьезной поддержки литературы. Что вы думаете по этому поводу? Должно ли государство играть какую-либо роль в литературном процессе или же только рынок должен все расставлять по местам?

– На мой взгляд, Российское государство, увы, предало свою национальную литературу. Я удивился, когда в прошлом году на общем литератур-

ном собрании в Москве услышал от президента, что книга – это всего лишь товар, который должен быть продаваемым. Я-то считаю, что коммерческая литература – это просто не литература, это как колбаса или сосиски, как трусики или косметика. Вот там рынок и расставляет все по местам. Хорошая литература, и прежде всего поэзия, как правило, убыточна. Во все времена во всем мире национальные лидеры всячески поддерживали свою национальную литературу, ибо без литературы нет и идеологии, а без идей исчезает и сам народ, становится лишь массой, потребителями хлеба и зрелищ, исчезает и государство. Можно по-разному относиться к событиям на Украине, в Чечне, к Исламскому государству, но все эти трагические события происходят именно от подъема национальных и религиозных идей. Не случайно же Иосиф Сталин зимой 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, читал новинки литературы, ту же пьесу «Фронт» Корнейчука, и срочно приказывал печатать в «Правде». Он понимал, солдату нужна национальная идея, за что воевать, ради чего жизнь отдавать за Родину. Сейчас, боюсь, наши лидеры вообще ничего не читают. Закрываются по всей стране книжные магазины и библиотеки. Если так пойдет и дальше, это приведет к распаду России на множество осколков. Посмотрите, как в Америке государство мощно поощряет через фонды и гранты необходимую им идеологическую направленность и в Голливуде, и в литературе. Помню, в Америке я вначале поразился развитию книжной торговли, в самом маленьком городке прекрасные двухэтажные книжные магазины, с кафе на втором этаже, где можно сидеть весь день и читать книги. Да, там как бы свобода во всем, ничтожными тиражами, в маленьком формате, ты можешь издавать и троцкистские, и расистские, и сталинистские, и крайне левые или крайне правые книжонки, смотреть в маленьких студиях какие угодно фильмы, но для того, чтобы выйти на широкий экран или широким тиражом – нужна лицензия, и она дается лишь тем направлениям, которые поддерживают американскую идеологию.

Нам не нужны прямые надсмотрщики былых советских времен, запреты и предварительная цензура, но, естественно, государство обязано щедро поддерживать необходимое ему национальное искусство. У нас же пока все наоборот, на международные книжные ярмарки и фестивали ездят за счет государства и налогоплательщиков исключительно крайне либеральные, русофобски настроенные литераторы. Когда за откровенно антирусскую публицистику присуждают

Нобелевскую премию, автора дружно поддерживают те же государственные издания в России, которые писательница поливает грязью. Сплошной садомазохизм. Есть поговорка: если ты не поддерживаешь свою армию, то на ее место придет чужая армия. То же самое и с литературой, если государство не ценит свои литературные традиции и национальные идеалы, то к нам в страну придут другие чужие литературные традиции и чуждые нам идеалы.

Европа, давно не занимающаяся своей литературной и культурной политикой, сейчас начинает понимать, что скоро на улицах и площадях европейских городов будет царить другой порядок, по законам шариата. Свято место пусто не бывает. Константинопольский православный собор превратился в главную мечеть Стамбула, в Иерусалиме тоже знаменитая мечеть Аль-Акса стоит на месте христианского храма. И, как предчувствие, наша русская писательница Елена Чудинова написала пророческий роман «Мечеть Парижской Богоматери». Все так будет и у нас, будет и Мечеть Василия Блаженного на Красной площади или лютеранская кирха, если наше государство не будет поддерживать свою национальную литературу. Осмотритесь вокруг себя: все вывески на английском языке, обложки журналов тоже, да и мы сами выглядим как витрина заморского магазина. Я специально зашел в метро летом и подсчитал, прошла по эскалатору тысяча человек, и все как один без исключения в майках с яркими иностранными надписями, ни одной русской. А государство по-прежнему не хочет поддерживать свою национальную культуру. Мне кажется, власть не понимает важность литературы и культуры в целом. У нас в Советском Союзе была самая могущественная армия, но когда наша культура увлеклась диссидентством, страна рухнула. Можно построить лучший в мире танк, но что будет в голове у танкиста, это и определит, куда он будет стрелять.

– Давайте обратимся к вашему творчеству. Как литературовед вы обращаетесь к очень разным российским поэтам. Вышла книга о Лермонтове, затем – о Бродском, теперь готовится к выходу труд о Северяnine. Чем вызван глубокий интерес к таким разным – и во времени, и в творчестве – авторам? Есть нечто, что их объединяет? Почему именно эти личности вызвали ваш интерес?

– Прежде всего, героев моих книг объединяет огромный талант. Во-вторых, не менее важно то, что и Михаила Лермонтова, и Игоря Северянина,

и Иосифа Бродского объединяет любовь к России. Все они были по-настоящему независимы, часто спорили с властями, но всегда оставались истинными патриотами России.

Меня часто наши полуобразованные русачки спрашивают: ну какой же патриот Иосиф Бродский? И еврей, и из России уехал. Приводят два-три его скабрёзных стихика, на самом деле не украшающих поэта, типа «Набросок» или «Представление», но умалчивают о его подлинных шедеврах. Или же сводят все к мимолетному северному эпизоду, когда поэт увлекся русской экзотикой.

*В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам...*

Эти его деревенские стихи, написанные в архангельской ссылке, на самом деле замечательные, но не на них я хочу заострить свое внимание, а на стихах, определяющих его русскость. Я каждый раз привожу три стихотворения, отделенных друг от друга десятилетиями. Вот первое, написанное в декабре 1964 года, стихотворение «Народ», названное Анной Ахматовой гениальным. Стихотворение, посвященное русскому народу.

*Пусть возносит народ – а других я не знаю судей,
Словно высушенный куст, –
самомненье отдельных людей.*

*Лишь народ может дать высоту, путеводную нить,
Ибо не с чем свой рост на отшибе от леса сравнить.*

*Припадаю к народу. Припадаю к великой реке.
Пью великую речь, растворяюсь в её языке.
Припадаю к реке, бесконечно текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас, мимо нас, дальше нас.*

Это пламенный восторженный гимн русскому народу, это стихотворение я бы печатал в «Родной речи» с первого класса до последнего. Написано оно в ссылке в деревне Норенская. Иные либералы ныне стараются его назвать паровозиком. Мол, написал его поэт, надеясь на снисхождение властей. Но такой силы паровозики не пишутся. И к тому же Иосиф Бродский никогда не писал паровозных стихов. Он сам был паровозом русской поэзии. К примеру, из-за этого якобы паровозика отказались печатать уже после ссылки Бродского в журнале «Юность» подборку стихов. Не понравилась строка «Пьющий, песни орущий, вперед...». Мол, наш народ не пьет.

Прошло добрых десять лет. Уже в эмиграции, когда поэта практически насильно выдворили из страны в течение трех дней, он в 1974 году в европейской гостинице услышал по телевидению о смерти маршала Жукова и сразу же написал эпитафию «На смерть Жукова». Георгий Жуков еще при жизни получил негласный титул маршала Победы, опальный поэт посвятил этому выдающемуся человеку свою оду:

*Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей...*

Это настоящая Ода великому полководцу и спасителю России:

*Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта
громко свисти на манер снегиря.*

Блестящее подражание державинскому «Снегирию», посвященному другому русскому военному гению Суворову. Позже Иосиф Бродский говорил, что с таким стихотворением можно было пойти в газету «Правда». Он не скрывал его державность.

И вот еще через восемнадцать лет, в 1992 году, узнав о том, что незалежная Украина подписала соглашение с НАТО, от имени всех кацапов проживающий уже добрых 20 лет в вынужденной эмиграции в США поэт страстно и эмоционально, с болью за распад своей родины напишет ныне широко известное стихотворение «На независимость Украины»:

*Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плунуть, что ли, в Днипро: может,
он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.*

*Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба
нам – подавись мы жмыхом и потолком – не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.*

Он не за Брежнева или за советскую власть переживает, а за свою родину, за «мой народ», он

считает, что нельзя было отрывать от России ее кровную часть – Украину. К тому же малую родину самого поэта. Он гневно заканчивает это стихотворение напоминанием о том, что перед смертью те же самые хохлы будут хрипеть, «царапая край матраса, строчки из Александра, а не брехню Тараса». Можно критиковать поэта за несдержанность, неполиткорректность, но все эти десятилетия главным для поэта была русская имперская державная идея. Он был оппонентом власти, но не народа, не государства. Он говорил: «Я русский поэт, хотя и евреец».

То же самое было и с Лермонтовым. Так же и у Михаила Лермонтова, тоже неоднократно ссылаемого царям и его окружению свои упреки за смерть Пушкина, мы находим непреходящую любовь к России, к своему народу.

Они и впрямь были, и Бродский, и Лермонтов, да и тот же Северянин, гонимые миром странники, но все они служили русской литературе, служили России.

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*

Эмигрант Игорь Северянин, проживший после революции 1917 года более 20 лет в Эстонии, сегодня вообще мало кому известен. Все помнят лишь его «Ананасы в шампанском», «Громокопящий кубок» и «Это было у моря». Тоже блестящая, тонкая музыкальная изящная поэзия. Но есть же у Северянина совсем другие стихи. Есть его «сталинский грезофарс». Мало кто из русских поэтов в эмиграции так тосковал по России, как казалось бы весь прозападный, весь «в чем-то норвежском, в чем-то испанском», эпатажный поэт Игорь Северянин, который в эмиграции все свое творчество посвящает России.

*О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...
О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть.*

1925

Такой образ поэта просто незнаком нынешним любителям поэзии Серебряного века. Где здесь

башня замка, где королева, где фиалки? Где роженое из сирени?

*Я – русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я – вылитая Русь!*

Ночь под 1930-й год

И это, пожалуй, основная линия в эмигрантской поэзии Игоря Северянина. Понимание того, что без Родины нет и поэзии, так, одно ремесло. Бедный Северянин, для него отсутствие России было невосполнимо, он реально страдает в своем эстонском одиночестве. Русские стихи его никому не нужны, а переводить за деньги эстонских поэтов на русский по подстрочникам Фелиссы тяжкая и скучная работа. Разве не обидно, туристы едут в Россию из той же Эстонии, а он не может? Он не хочет отдавать наш русский Днепр чужим пришельцам. Северянин будто предвидит будущее:

ЗА ДНЕПР ОБИДНО

*За годом год. И с каждым годом
Все неотступней, все сильней
Влечет к себе меня природа
Великой родины моей.
Я не завистлив, нет, но зависть
Святую чувствую порой,
Себе представив, что мерзавец –
Турист какой-нибудь такой, –
Не понимающий России,
Не ценящий моей страны,
Глядит на Днепр в часы ночные
В сиянии киевской луны!*

6 марта 1936

Сегодня за Днепр обидно и миллионам русских, не понимающих, что же там устраивают на Днестре братья-хохлы. К Северянину приходит понимание своей собственной вины и вины миллионов эмигрантов, покинувших Россию. Тоньше и глубже всяких политиков и экономистов чувствует поэт Игорь Северянин, что его Россия отстраивается, мужает, крепнет, и уже без него, без всех, покинувших отчизну. По-своему, это противостояние главному тезису русских эмигрантов: мы не в изгнании, мы в послании...

И он смело корит себя, русского, что недостаточно сил отдавал своей стране, своему народу.

Этот былой певец причудливых миррелей и мистрелей, подобно Маяковскому, тянется к своему народу, хочет помочь ему.

*Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймет Москва:
Родиться Русским – слишком мало,
Чтоб русские иметь права...
Родиться Русским – слишком мало,
Им надо быть, им надо стать...*

Пожалуй, он больше и искреннее всех и эмигрантов, и советских писателей радовался присоединению Прибалтики к Советскому Союзу в 1940 году.

Он писал Георгию Шенгели: «Я очень рад, что мы с Вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твердо. И я рад, что это произошло при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенес воспаление левого легкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы. Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог им быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдете много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы...»

Мало что зная о Советском Союзе, он поэтизирует его так же, как раньше поэтизировал своих принцев из замков. Я бы назвал этот последний в его жизни цикл стихов «Сталинский грезифарс». Вот одно из стихотворений, называется «В наш праздник»:

*Взвивается красное знамя
Душою свободных времен.
Ведь все, во что верилось нами,
Свершилось, как сбывшийся сон.
Мы слышим в восторженном гуле
Трех новых взволнованных стран:
– Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.
Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин – преемник его!*

В разгоряченном мозгу стареющего поэта уже бошуют грандиозные замыслы, хотя в жизни продолжаютс я все те же бытовые проблемы, прежде всего катастрофическая нищета. Он ждет советские гонорары, посылает стихи в советские журналы.

*Прислушивается к словам московским
Не только наша Красная земля,
Освоенная вечным Маяковским
В лучах маяковидного Кремля,
А целый мир, который будет завтра,
Как мы сегодня – цельным и тугим,
И улыбнется Сталин, мудрый автор,
Кто стал неизмеримо дорогим.*

Когда читаешь эти строчки, не надо забывать, что написаны они не по заказу, без всякой корысти, поэтому, который и не знает реальной действительности в СССР, это его грезы о счастливом мире.

Кстати, я обратил внимание, что объединяет этих моих героев еще и общая стихийность души, мятежность. Михаил Лермонтов не вынес студенческую муштру в Московском университете, сам ушел после первого курса, а Бродский и Северянин – оба даже школу не закончили, бросили и ушли в поэзию, несмотря на протесты родителей. Все трое были крайне независимы, у всех троих складывались сложные отношения с возлюбленными, но их любовная лирика была замечательна. И Северянин, и Бродский, и в какой-то степени Лермонтов были связаны с Русским Севером, а Северянин и Бродский конкретно с Череповцом...

– Владимир Григорьевич, вы всегда востребованы как критик, литературовед, публицист, писатель. Ваши работы публикуются в центральных изданиях и издательствах. И, тем не менее, не забываете журнал «Север», где начинали печататься, и Петрозаводск, где родились, а значит, знаете и прошлое, и нынешнее состояние культуры российского севера. Север, по-вашему, – это особая культурная территория со своими культурными традициями, законами развития? Если да, что именно, на ваш взгляд, отличает северную культуру, северную литературу и северные характеры? И есть ли особые северные черты в вашем характере?

– Думаю, конечно, есть. Я начинал печататься в Петрозаводске, в газете «Комсомолец» и журнале «Север». В газете меня опекал мой товарищ Юра Шлейкин, а в журнале одним из моих наставников на всю жизнь стал выдающийся

русский писатель Дмитрий Гусаров. Он и рекомендацию дал в Союз писателей. Помню, когда за статью «Сокровенное слово Севера» и меня, и весь журнал сначала отругали в передовой газете «Правда», а потом разбирали на секретариате Союза писателей СССР, я не самой критики боялся, а реакции Дмитрия Яковлевича. Вдруг он скажет, что я подвел журнал. Но Дмитрий Яковлевич пригласил меня после этого разгрома в ресторан ЦДЛ и поднял тост за мое боевое крещение. Север – это моя и биологическая, и духовная Родина.

Все-таки северная культура – одна из направляющих в развитии России. Север и развивался по-другому, сюда не доходил ни Наполеон, ни Гитлер. Здесь не было ни опустошительных войн, ни крепостного права, сильное влияние староверов, грамотность всего населения еще в давние времена. Не было ни помещиков, ни рабов.

Помню, со мной не раз спорили друзья, мол, все гении русские из центральной крепостной России вышли. Да, пока господствовала помещичья, дворянская культура, из ее среды и выходили русские таланты.

Но когда дворянская культура закончилась, тогда и развернулся во всю ширь Русский Север. Сначала Николай Клюев и Степан Писахов, Борис Шергин, затем уже и Николай Рубцов, Василий Белов, Дмитрий Гусаров, Дмитрий Балашов, Федор Абрамов, Владимир Личутин и так далее. Не на пустом месте журнал «Север» стал лучшим из провинциальных журналов. За нами и традиции Господина Великого Новгорода, вольнолюбивые и в то же время державные. Таковы и северные русские люди – надежные и независимые. Конечно, и во мне самом много северного. И не только по месту проживания. Отец у меня, как видно по фамилии, из украинцев, а мать – коренная поморка, родом из Холмогор, дом ее был недалеко от дома Ломоносовых. Еще в армии меня прозвали друзья – «поморский хохол».

Так что в крови настоящая «царская водка».

Да и жизнь в Карелии отличалась от жизни в центральной России. Я горжусь тем, что я – северянин!